ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

СТРАНИЦА ЛЮБВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

СТРАНИЦА ЛЮБВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
З-81

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *М. Столярова*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Золя, Эмиль.

З-81 Страница любви : [роман] / Эмиль Золя ; [перевод с французского М. Столярова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-188273-0

После смерти мужа молодая парижанка Элен Гранжан живет замкнуто и одиноко, все свое время уделяя дочери Жанне — капризному и болезненному ребенку.

Однажды ночью Жанне становится плохо, и Элен обращается за помощью к соседу — врачу Анри Деберлю. Состояние Жанны улучшается, и между Элен и Анри возникает симпатия. Однако добрый доктор женат, а Жанне не нравится, что мама отвлекается на соседа.

Элен все больше разрывается между материнским долгом и привязанностью к Анри... Выдержат ли чувства влюбленных эти препятствия, или их любовь останется лишь одной страницей в многотомной книге жизни.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-188273-0 **© ООО «Издательство АСТ», 2026**

Часть первая

I

Ночник из синеватого стекла горел на камине, заслоненный книгой; полкомнаты тонуло в тени. Мягкий свет пересекал круглый столик и кушетку, струился по широким складкам бархатных портьер, бросал голубоватый отблеск на зеркало палисандрового шкафа, стоявшего в простенке. В гармоничности буржуазного убранства комнаты, в синеве обоев, мебели и ковра было в этот ночной час нечто от смутной нежности облака. Против окон, в тени, также обтянутая бархатом, темной громадой высилась кровать; на ней светлым пятном выделялись простыни. Элен спала, сложив руки, в спокойной позе матери и вдовы; слышалось ее тихое дыхание.

В тишине пробило час. Шумы улицы давно умолкли. Сюда, на высоту Трокадеро, доносился лишь отдаленный рокот Парижа. Легкое дыхание Элен было так ровно, что не колебало целомудренных очертаний ее груди. У нее был правильный профиль, тяжелый узел каштановых волос; она спала мирным и крепким сном, склонив голову, словно к чему-то прислушивалась, засыпая. В глубине комнаты широким провалом чернела открытая дверь.

Не слышалось ни звука. Пробило половина второго. Маятник стучал слабеющим стуком, уступая власти сна, сковавшего комнату. Ночник спал, спала мебель. На столике, рядом с потушенной лампой, спало рукоделие. Лицо Элен во сне сохраняло обычное для него выражение серьезности и доброты.

Когда часы пробили два, покой был нарушен. Из мрака соседней комнаты донесся вздох. Зашуршала простыня, и снова все затихло. Затем послышалось прерывистое дыхание. Элен не шевельнулась. Но вдруг она приподнялась на постели: ее разбудил невнятный лепет страдающего ребенка. Еще полусонная, она поднесла руки к вискам и, услыхав глухой стон, соскочила на ковер.

— Жанна! Жанна!.. Что с тобой? Скажи мне! — воскликнула она.

Ребенок молчал. Подбегая к камину за ночником, она прошептала:

— Боже мой! Ей с вечера нездоровилось. Не надо мне было ложиться.

Элен поспешно вошла в соседнюю комнату — там уже наступило гнетущее молчание. Фитиль ночника, утопая в масле, отбрасывал зыбкий свет, тусклым кружком мерцавший на потолке. Склонившись над железной кроваткой, Элен сначала ничего не могла разглядеть. Потом в синеватом свете, среди откинутых простынь, она увидела Жанну; девочка вся вытянулась, запрокинула голову, мускулы шеи напряжены, одеревенели. Прелестное худенькое личико искажено судорогой; открытые глаза вперились в карниз портьеры.

— Боже мой! Боже мой! — вскрикнула Элен. — Боже мой! Она умирает.

Поставив ночник, она дрожащими руками ощупала дочь. Ей не удалось найти пульс. Казалось, сердце девочки перестало биться. Ручки, ножки были судорожно вытянуты. Элен обезумела.

— Она умирает! Помогите! Моя девочка! Моя девочка! — охваченная ужасом, бормотала Элен.

Она вернулась в свою спальню, бросаясь из стороны в сторону, натыкаясь на мебель, не сознавая, куда идет. Потом снова вбежала в комнату дочери, снова припала к ее кроватке, продолжая звать на помощь. Она обняла Жанну, она целовала ее волосы, гладила ее, умоляя ответить, сказать хоть одно слово. Что у нее болит? Не хочет ли она давешнего лекарства? Не полегчает ли ей от свежего воздуха? И она упорствовала в своих расспросах, страстно стремясь услышать звук голоса девочки.

— Скажи мне, Жанна!.. О, скажи мне, молю тебя!

Боже мой! И не знать, что делать! Такая беда — вдруг, среди ночи! Даже света нет. Мысли Элен путались. Она продолжала разговаривать с дочерью, задавая ей вопросы и сама же отвечая на них. Что у нее болит? Животик? Нет, горло. Все обойдется. Главное — спокойствие. И она делала нечеловеческие усилия, чтобы сохранить присутствие духа. Но чувствовать в своих руках неподвижное, одеревенелое тело дочери было выше ее сил, раздирало ей сердце. Она не отрываясь смотрела на девочку, судорожно застывшую, бездыханную, она пыталась здраво рассуждать, побороть потребность кричать во весь голос. Вдруг, помимо воли, крик вырвался из ее груди.

Она пробежала через столовую и кухню, восклицая:

— Розали! Розали! Скорей доктора! Моя девочка умирает!

Служанка, спавшая в каморке за кухней, разахалась. Элен бегом вернулась в спальню. Она топталась на месте в одной сорочке, казалось не чувствуя холода морозной февральской ночи. Неужели служанка даст ее дочурке умереть? Не прошло и минуты, как Элен опять метнулась в кухню, оттуда назад, в спальню. Порывисто, ощупью она надела юбку, набросила на плечи шаль. Она опрокидывала мебель, наполняя исступленным отчаянием комнату, только что дышавшую таким безмятежным покоем. Затем, в ночных туфлях, не закрывая за собой дверей, она сбежала с четвертого этажа, убежденная, что никто, кроме нее, не сможет привести врача.

Привратница выпустила ее. Элен очутилась на улице; в ушах у нее звенело, мысли путались. Быстро пройдя улицу Винез, она позвонила у двери доктора Бодена, уже и раньше лечившего Жанну. Прошла вечность. Наконец вышла служанка и сказала, что доктор у роженицы. Элен, ошеломленная, осталась стоять на тротуаре. В Пасси она не знала другого врача. Минуту-другую она бесцельно шла по улице, вглядываясь в дома. Дул ледяной ветерок; Элен ступала в туфлях по рыхлому, выпавшему с вечера снегу. Она неотступно видела перед собой дочь; мысль, что ребенок умрет по ее вине, если она тотчас не найдет врача, терзала Элен. Она повернула обратно по улице Винез и вдруг отчаянно зазвонила в первый попавшийся ей звонок. Будь что будет, она все-таки спросит; может быть, ей да-

дут адрес. Отворять не торопились. Она снова позвонила. Легкая юбка под ветром облипала ей ноги, пряди волос разлетались.

Наконец лакей отпер и сказал, что доктор Деберль уже в постели. Значит, Господь не оставил ее: она позвонила у двери врача! Оттолкнув лакея, Элен вошла. Она повторяла:

— Мой ребенок, мой ребенок умирает! Скажите доктору, чтобы он вышел ко мне!

То был небольшой особняк со штофными обоями по стенам. Элен поднялась на второй этаж, отталкивая лакея, отвечая на все его доводы, что ее ребенок умирает. Войдя в какую-то комнату, она согласилась подождать. Но как только она расслышала, что врач одевается в соседней комнате, она подошла и заговорила с ним через дверь.

— Скорее, сударь, умоляю вас! Мой ребенок умирает!

А когда врач вышел, в домашней куртке, без галстука, она увлекла его за собой, не дав ему как следует одеться. Он узнал ее. Элен жила в соседнем доме, принадлежавшем ему. Она вдруг вспомнила об этом, когда доктор, желая сократить путь, провел ее через сад и калитку, соединявшую оба домовладения.

— Верно, — пробормотала она. — Ведь вы врач, я это знала... Поймите — я с ума схожу... Скорее!

У лестницы Элен настояла на том, чтобы он прошел первым. Приведи она к себе самого Господа Бога — и то она не воздала бы ему бóльших почестей.

Наверху Розали, не отходившая от Жанны, успела зажечь лампу на круглом столике. Войдя, врач

тотчас взял лампу и вплотную поднес к девочке, застывшей в страдальческой неподвижности. Только головка соскользнула с подушки да по лицу пробегала частая дрожь. С минуту врач молчал, плотно сжав губы. Элен с трепетом смотрела на него. Уловив умоляющий взгляд матери, он пробормотал:

— Ничего серьезного... Но не следует оставлять ее здесь. Ей нужен воздух.

Элен сильным движением взяла девочку на руки. Она готова была расцеловать врачу руки за его добрые слова; сладость надежды проникла в ее душу. Но едва только она уложила Жанну на свою широкую кровать, как тщедушное тельце девочки вновь забилось в сильнейших судорогах. Врач снял абажур с лампы. Яркий свет разлился по комнате. Приоткрыв окно, он приказал Розали выдвинуть кровать из-под занавесок.

— Но ведь она умирает, доктор... Смотрите, смотрите. Я не узнаю ее, — лепетала Элен, вновь охваченная страхом.

Он не отвечал, внимательным взглядом следя за ходом припадка. Немного погодя он сказал:

— Пройдите в альков, держите ее за руки, чтобы она себя не исцарапала. Осторожно, тихонько... Не волнуйтесь. Припадок должен идти своим чередом.

Наклонясь над кроватью, они вдвоем держали девочку — тело ее судорожно дергалось. Врач доверху застегнул куртку, чтобы закрыть голую шею. Элен все еще была в шали, которую, уходя, набросила на плечи. Но Жанна, кидаясь из стороны в сторону, сдернула край шали, расстегнула врачу куртку. Они этого не заметили. Ни он, ни она не видели себя.

Постепенно судороги стихли. Девочка, казалось, впала в полное изнеможение. Хотя врач уверял Элен, что припадок кончился благополучно, он все же казался озабоченным. По-прежнему не спуская глаз с больной, он начал задавать лаконичные вопросы Элен, все еще стоявшей в алькове между стеной и кроватью.

— Сколько ей лет?

— Одиннадцать с половиной, доктор.

Наступило краткое молчание. Покачав головой, врач нагнулся и, приподняв опущенное веко Жанны, внимательно осмотрел слизистую оболочку. Затем, не поднимая глаз на Элен, он возобновил расспросы:

— Бывали у нее судороги в раннем детстве?

— Бывали. Но к шести годам они прекратились... Она у меня слабенькая. Уже несколько дней я видела, что ей нездоровится; она часто подергивалась, на нее нападала странная рассеянность.

— Известны ли вам случаи нервных заболеваний в вашей семье?

— Не знаю... Моя мать умерла от чахотки.

Она запнулась, стыдясь признаться, что ее бабушку пришлось поместить в дом умалишенных. Судьба всех ее предков была трагична.

— Внимание, — быстро сказал врач, — начинается новый приступ!

Жанна только что открыла глаза. Минуту-другую она дико озиралась, не говоря ни слова. Затем ее глаза уставились в одну точку, она всем телом откинулась назад, руки и ноги вытянулись и напряглись. Она была очень красна, но вдруг побледнела мертвенной бледностью. Судороги возобновились.

— Не отпускайте ее, — сказал врач, — держите ее за обе руки.

Он торопливо подошел к столику, на который, входя, поставил аптечку. Вернувшись с флаконом в руке, он дал девочке понюхать его. Но это подействовало как сильнейший удар хлыста. Жанна так неистово рванулась, что выскользнула из рук матери.

— Нет, нет, только не эфир! — крикнула Элен, узнав лекарство по запаху. — Эфир приводит ее в исступление.

Они вдвоем едва могли совладать с Жанной. Девочку сводили ужасные судороги. Вся выгнувшись, опираясь на затылок и пятки, она словно переламывалась надвое, потом снова падала навзничь и бросалась от одного края кровати к другому. Кулачки ее были стиснуты, большой палец прижат к ладони; минутами она раскрывала руки, ловя растопыренными пальцами и комкая все, что ей ни попадалось. Нащупав шаль матери, она вцепилась в нее. Но особенно терзало Элен то, что она не узнавала свою дочь, и она сказала об этом врачу. Черты лица ее ангелочка, обычно такие кроткие, были искажены; глаза закатились, обнажив синеватые белки.

— Сделайте что-нибудь, умоляю вас, — прошептала она. — У меня нет больше сил, доктор.

Она вспомнила, что дочь одной из ее соседок в Марселе задохнулась во время такого же припадка. Уж не обманывает ли ее врач из сострадания? Каждую минуту ей казалось, что лица ее коснулся последний вздох Жанны. Тяжелое дыхание девочки то и дело прерывалось. Наконец, измучившись, Элен заплакала от жалости и страха. Слезы капали

на невинное обнаженное тельце Жанны, отбросившей одеяло.

Тем временем врач своими длинными гибкими пальцами слегка массировал шею девочки. Припадок ослабел. Еще несколько замедленных судорог — и Жанна бессильно затихла. Она лежала посредине кровати, вся вытянувшись, раскинув руки; голова, поддержанная подушкой, свисала на грудь. Она напоминала младенца Христа. Элен нагнулась и долгим поцелуем прильнула к ее лбу.

— Кончилось? — спросила она вполголоса. — Как вы думаете, будут еще припадки?

Врач ответил уклончивым жестом.

— Во всяком случае, они будут не так сильны, — сказал он.

Он попросил у Розали рюмку и графин воды. Налив рюмку до половины, он взял два пузырька, отсчитал капли и с помощью Элен, приподнявшей головку девочки, осторожно раздвинул стиснутые зубы Жанны и влил ей в рот ложку лекарства. Лампа горела ярким белым пламенем, освещая беспорядок спальни, сдвинутую с мест мебель. Одежда Элен, которую она, ложась спать, небрежно перекинула через спинку кресла, соскользнула на пол и лежала на ковре. Врач наступил на корсет и поднял его, чтобы он не попадался ему под ноги. От раскрытой постели, от разбросанного белья пахло вербеной. Вся интимная жизнь женщины была грубо обнажена. Доктор сам взял миску с водой, намочил полотенце и приложил его к вискам Жанны.

— Барыня, вы простудитесь, — сказала Розали, дрожавшая от холода. — Не закрыть ли окно? Слишком свежо.

— Нет, нет, — крикнула Элен. — Оставьте окно открытым. Не правда ли, доктор?

Легкие порывы ветра колебали занавески. Элен не ощущала холода, хотя шаль соскользнула с ее плеч, приоткрыв грудь; прическа ее растрепалась, своевольные пряди волос беспорядочно ниспадали до самого пояса. Она высвободила голые руки, чтобы проворнее действовать ими, забыв все на свете, охваченная страстной любовью к своему ребенку. Возле нее доктор, все еще озабоченный, тоже не думал о том, что куртка у него расстегнута, что Жанна сорвала с него воротничок.

— Приподнимите ее немножко, — сказал он. — Нет, не так. Дайте мне вашу руку!

Он сам просунул руку Элен под голову девочки, чтобы влить ей в рот еще ложку лекарства. Немного погодя он подозвал Элен к себе. Он распоряжался ею как помощником, а она, видя, что Жанна как будто успокаивается, благоговейно повиновалась ему.

— Подойдите сюда... Положите голову девочки себе на плечо, я хочу ее выслушать.

Элен повиновалась. Врач наклонился над ней, чтобы приложить ухо к груди Жанны. Нагибаясь, он коснулся щекой обнаженного плеча Элен. Прислушиваясь к биению сердца ребенка, он мог бы услышать, как бьется сердце матери. Когда он выпрямился, его дыхание слилось с дыханием Элен.

— Здесь все в порядке, — спокойно сказал он, к великой радости Элен. — Уложите девочку спать. Не нужно больше ее мучить.

Но разразился новый приступ. Он был гораздо слабее первого. У Жанны вырвалось несколько бес-

связных слов. Два других приступа, быстро последовавшие один за другим, затухли в самом начале. Девочка впала в забытье. Это снова обеспокоило врача. Он уложил ее, высоко приподняв ей голову, накрыл одеялом до самого подбородка и около часа просидел возле нее, казалось желая дождаться, пока дыхание снова станет нормальным. По другую сторону кровати неподвижно стояла Элен.

Мало-помалу глубокий покой разлился по лицу Жанны. Лампа озаряла его золотистым светом. Оно вновь обрело свой очаровательный овал, слегка удлиненный, изяществом и тонкостью напоминавший козочку. Широкие веки прекрасных глаз, синеватые и прозрачные, были опущены. Под ними угадывалось темное сияние взгляда. Тонкие ноздри слегка напряглись; вокруг рта, несколько большого, блуждала смутная улыбка. Она спала, разметав свои черные как смоль волосы.

— Теперь кончено, — сказал врач вполголоса.

Он повернулся и начал убирать флаконы, готовясь уйти. Элен с умоляющим видом подошла к нему.

— Ах, доктор, — прошептала она. — Не оставляйте меня. Побудьте еще несколько минут. Вдруг опять начнется приступ... Ведь вы ее спасли!

Он знаком уверил Элен, что опасаться уже нечего; однако, желая успокоить ее, остался. Она давно уже услала служанку спать. Серый мглистый свет вскоре забрезжил на снегу, устилавшем крыши. Доктор закрыл окно. Среди глубокой тишины они шепотом обменивались редкими словами.

— У нее нет ничего серьезного, — сказал он. — Но в ее возрасте требуется тщательный уход... Пре-

жде всего следите за тем, чтобы ее жизнь текла ровно, счастливо, без потрясений.

Немного спустя Элен, в свою очередь, сказала:

— Она такая хрупкая, такая нервная... Я не всегда справляюсь с ней. Она радуется и печалится по пустякам так безудержно, что я тревожусь за нее... Она любит меня так страстно, так ревниво, что рыдает, когда я ласкаю другого ребенка.

Врач покачал головой, повторяя:

— Да, да... Впечатлительна, нервна, ревнива... Ее лечит доктор Боден, не так ли? Я поговорю с ним. Мы назначим ей серьезное лечение. Она в том возрасте, когда решается на всю жизнь вопрос о здоровье женщины.

Элен ощутила прилив благодарности за такое внимание к ее дочери.

— Ах, доктор! Как я признательна вам за все, что вы сделали!

Элен склонилась над кроватью, боясь, не разбудила ли этими словами Жанну; она произнесла их несколько повышенным голосом. Девочка спала, порозовевшая, все с той же смутной улыбкой на губах. В успокоенной комнате реяла истома. Портьерами, мебелью, разбросанной в беспорядке одеждой вновь овладела тихая, словно облегченная дремота. Все очертания сливались и расплывались в тусклом предутреннем свете, струившемся сквозь окна. Элен снова выпрямилась в узком пространстве между стеной и кроватью. Доктор стоял по другую сторону, а между ними, тихо дыша, спала Жанна.

— Ее отец часто прихварывал, — негромко сказала Элен, возвращаясь к недавним расспросам врача. — А я никогда не болела.